

Бег с ускорением, или Аршин для новой истории

Беседа писателя Виталия Диксона с журналисткой Любовью Сухаревской.

(Октябрь 1999 г.)

С. — Двадцатый век, по определению Мандельштама, век-волкодав, начался с войн и войнами же заканчивается...

Д. — Минуточку. Давайте будем точны. Двадцатый век начался в России с отлучения великого гуманиста Льва Николаевича Толстого от православной церкви. Это важно учитывать в хронологии событий, потому что войны начинаются не на пустом месте: кровопролитию всегда предшествуют публичное сожжение книг и анафема гуманизму.

С. — Надо полагать, что в истории России немало подобных знаковых сигналов, перерастающих в символы?

Д. — Да. Изначально и до сей поры. Больше того, россияне, как никто в мире, предрасположены к тому, чтобы в каждом событии изыскивать некий особый, тайный, магический смысл. Или умысел. Или промысел... Вот совсем недавно мы миновали 9 сентября, в цифровом обозначении, 9.9.99. «Что-то будет в этот день?» — поёживались люди. А что ему до нас, этому квартету девяток? «Ох, не скажите, не скажите! Это ведь смотря как смотреть на это дело! Ежели, например, встать с ног на голову, то и получится сатанинское число с шестёрками!» ...А на следующий день на дворовых лавочках образовалась новая тема для размышлений: Бизнес-центр разрядился каскадом фейерверков на весь Солнечный микрорайон! «Что это значит?» То ли юбилей Иркутскнефтепродукта, то ли бандитская свадьба, то ли новый, 5760-й год по еврейскому календарю... Знаки! А уж кто как объяснит эти знаки, значит, так и будет жить.

С. — Возможно ли, избегая пудовых трактатов, в двух-трёх словах обозначить состояние государства Российского на определённых этапах его развития?

Д. — Можно. Для XIX века таким определением было одно-единственное слово, произнесённое мудрейшим Карамзиным: «Воруют». В XX веке характеристика России точнее всего прозвучала из уст премьера Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

С. — Это уже похоже на традицию.

Д. — Не знаю. С традициями у нас вообще очень непросто. И не каждая традиция заслуживает уважения и национальной гордости. Как они возникают, в каких обстоятельствах? Вот в чём вопрос... Однажды малолетний великий князь Павел Петрович сильно простудился, весь императорский двор в тревоге: малыш ужасно сопливает! Консилиум врачей порешил: мазать нос на ночь салом, да не скупиться на сальные свечи! С того судьбоносного дня так и повелось: в продолжение нескольких лет ежедневно отпускалось из дворцовой конторы по пуду сальных свечей «на собственное употребление его величества»... На подобных принципах и возникают многие наши так называемые традиции.

С. — Почему «так называемые»?

Д. — А как иначе обозначить? Традиции ведь складываются десятилетиями и веками. Они не могут возникать так, как, скажем, «Сияние России», то есть путём субъективного объявления: отныне и присно, и вовеки веков... А что, если губернатор не выделит денег на это сияние? Рухнет эта «традиция» в одночасье, чего с подлинными народными традициями не бывает, потому что они не зависят от рублей. Налицо конфликт формы и содержания. Но и он для нас не является основным.

С. — Каков же, на ваш взгляд, основной конфликт в России нынешнего века?

Д. — А давайте плясать от печки. Судя по былинному сказу, Илья Муромец до 33 лет сиднем сидел на печи, а потом слез и принялся слоны слонять по Руси, геройство своё выказывать да силушку выявлять... Между прочим, эпос всегда антипсихологичен. Вот поэтому-то в былинах ни слова не сказано о том, как страшны должны были быть Илье его первые шаги по земле, каким угрожающе незнакомым и враждебным казался ему открывшийся мир после уютного пребывания в тесной, прокопчённой, вонючей, но зато родной избе... Замечу, что накануне реформы 1861 года, освободившей крестьян от крепостной зависимости, историк С.М. Соловьёв сказал пророчески: «Сколько будет обмороков у людей от непривычки к свежему воздуху». Но наш Илья уже вышел в люди из обломовщины...

С. — И так называемый «человеческий фактор» плавненько перетёк в иное состояние и стал называться перманентным электоратом. Так я поняла?

Д. — Так. И раскинулась перед этим товарищем нечаянная свобода. Какой диапазон выбора! Каравай, каравай, кого хочешь выбирай! Шуман или шоумен? Моцарт или соц-арт? Кьеркегор или Киркоров? Эдуард Асадов, маркиз де Сад или просто сад Гефсиманский? Выбирай, человек вольный! Но наш человек не хочет. Он боится — и ищет новую общность, новую возможность оставаться безответственным. Вот этот «Ильин комплекс» будет куда серьёзней, чем фрейдовский «комплекс Эдипа». А из него и вытекает конфликт коллективного и индивидуального сознания, ставший основным содержанием XX века в России. Коллективное сознание безнадежно устарело. Назрела необходимость максимально культивировать самооценку каждой личности. А сие — страшноватенько, непривычно. Ибо: жили все долго — как в камере, общей для срочников и бессрочников. Потом вдруг освободились — и зарыдали: где общая идея? нет общей идеи! и энтузиазма нету! куда подевался энтузиазм? И многим плакальщикам совсем невдомёк, что все мыслимые и немыслимые запасы коллективного энтузиазма за годы ударных пятилеток и семилеток уже вычерпаны из народа на много лет вперёд.

С. — Значит, так и обойдёмся без идей, без идеологии?

Д. — Не получается. И, кажется, не получится. Ищем! А кто ищет, тот всегда чего-нибудь найдёт. Коммунизм, национал-патриотизм, имперско-государственная державность, русский космизм, либерализм... Однако всё это есть идеологии, получившие политическое оформление в виде партий и общественных движений по принципу то ли вождизма, то ли стадности, то ли соборности: «на миру и смерть красна», «один в поле не воин». Но что замечательно? В конце века стихийно, вне партий (ибо нет такой партии!) оформляется в людях постсоветского пространства «философия частной жизни», посредством которой человек отрицает вообще какие бы то ни было идеи и сверхзадачи помимо сугубо житейских: дом, семья, заработок... И вот уже легализованы в русском языке некогда проклинаемые и позорные понятия, как то: мещанин, обыватель. Понятно, что в общей камере думалось совсем иначе, чем на воле. Но нет и добра без худа! Именно в местах лишения свободы Андрей Синявский в письмах к жене Марии Розановой назвал роман Дефо «самым полезным и жизнерадостным романом на свете». Почему? Да потому, что Робинзон Крузо своей обыденной деятельностью по обустройству частной жизни, элементарного быта в экстремальных условиях возвратил этой самой человеческой деятельности особый, значительный смысл. Для нас это важно. Потому что все мы — отчасти Робинзоны, оставшиеся после крушения империи каждый на своём островке выживания. Бытие разламывается на уровне быта, непосредственного окружения. И частная жизнь становится теперь для многих россиян единственной надеждой для восстановления и быта, и бытия, и самой личности человека. Есть человек на острове. Есть человек-остров. А Робинзон уже порядочно истомился в ожидании своей среды, то есть российского Пятницы. Но это уже другой сюжет, и порядок иной, древний, поговорками обозначенный: у нас семь пятниц на неделе и даже больше.

С. — Значит, частная жизнь для нас — это пока ещё «китайская грамота»?

Д. — Между прочим, китайская грамота — не такая уж головоломка, какой её представляют. Судите сами. Если центральной идеей Библии является спасение человека Мессией, то в китайской «библии», в «Книге перемен» главную идею составляет доверие к человеку совершенному: он сам себя спасёт. Откуда появилась эта хрупкая, но такая замечательная идея? Сложный вопрос. Но вот я разглядываю искусную каллиграфию, каждый мастерски выписанный иероглиф китайской грамоты — и прихожу к обескураживающе простому ответу: энергетическая сбалансированность, единство мужских и женских начал-линий, гармония — вот что такое иероглиф. От буквы — к слову. От слова — к человеку. К отдельному человеку, которому не столько духовность нужна, сколько душевность. А уж духовность пусть отдельных людей в народ объединит.

С. — Действительно, всё просто получается: изначальная гармония — без революций, без романтики!

Д. — О, нет! Русский человек без романтики не живёт, в том-то и дело. Скучно ему без романтики, тоскливо.

Этой самой романтики как раз и не хватает новоявленному российскому рынку, потому он и вязнет в ухабистом общенародном сознании. Образовался некий вакуум. Кто должен наполнить его духовным образом российских перемен? Конечно, уже не комиссары в пыльных шлемах. Конечно, не политики. Конечно, не Госдума, эта голова, которая совсем от рук отбилась. Конечно, — творческая интеллигенция. А идеи, между тем, давно уже носятся в воздухе. Но дышать носом, оказывается, это совсем не то, что держать нос по ветру.

С. — Кстати, каков ваш идеал творческого интеллигента?

Д. — Философ Мераб Мамардашвили. Изнутри напряжённый, как кристалл. Есть еще две величины — неравнозначные, но равновеликие. Солженицын как разрушитель и Ростропович как созидатель. К несчастью для России, «союзная творческая интеллигенция» живёт по гамбургерскому счёту от Макдональдса, по «закону бутерброда», в суе и конформизме. Впрочем, история знает и иные крайности. О судьбах человечества, о высшем назначении человека в мире людей, возможно, удобнее всего размышлять в целомудренном заточении — педантичном, размеренном. Так, например, как это делал Ницше. Но что из этого вышло? Однажды зимой 1899 года он, как обычно, вышел на прогулку, столь же системную, как и его умственные кабинетные занятия. И вдруг он увидел на улице, как извозчик яростно избивает лошадь. Философ бросился защищать её от человека, обнимал лошадь за шею, кричал шёпотом, и слёзы философские сливались с лошадиными... В этот день Ницше сошёл с ума... После чтения его сочинений мне трудно дышать. Мне трудно жить. Это, конечно, не российская история, а всемирная, в которую мы должны непременно глядеться, как в зеркало. «Свет мой зеркальце, скажи!» Так у нас. У европейцев — Шпигель. Но в то и другое невозможно разглядеть весь народ, только — отдельную личность.

С. — Итак, вновь — противостояние винтика и государственной машины. И мне сразу же вспоминается маршакское:

Не было гвоздя — подкова пропала.

Не стало подковы — лошадь захромала.

Лошадь захромала — командир убит,

Конница разбита, армия бежит.

Враг вступает в город, Пленных не щадя,

Оттого что в кузнице Не было гвоздя.

Д. — Ещё уместно вспомнить, как восклицал в «Балладе о синем пакете» советский поэт и номенклатурный борец за мир во всём мире Николай Тихонов:

Гвозди бы делать из этих людей,

Крепче бы не было в мире гвоздей!

О, если бы они восстали из праха, эти люди, эти гвозди программы построения счастливого будущего... Инженер Вермо из платоновской повести «Котлован», если помните, маниакально размышлял о «радостной участи человечества». Спору нет — благая мысль, святая дума. Только в своём развитии эта мысль оказалась дьявольски чудовищной: поставить на службу человека буквально всё, вплоть до мертвецов. Как грустно удивлялся инженер: «Сколько гвоздей, свечек, меди и минералов можно химически получить из тела умершей Босталоевой? Нужно строить химзаводы для добычи из трупов цветметзолота, различных стройматериалов и оборудования»... Вы скажете, что это писательский сарказм, утопия! Нет, отвечу я. Увы, суровая советская действительность. И в качестве доказательства давайте перечитаем пройденное: триумфальные отчёты съездов КПСС. Какие грандиозные планы! Какие достигнуты итоги! Какое изобилие стройматериалов и оборудования, угля, стали, цемента! Но при всём при этом коммунисты пошли неизмеримо дальше поэтов и прозаиков: добыча шла не из трупов, а из живых людей, да ещё на душу населения. В конечном счёте, коммунистическое благо, возвращённое, словно на удобрении, на человеческих костях, на миллионах исковерканных и погубленных жизней, — есть реальность, а не литературная метафора, не придумка писателей-умористов... По Фейербаху, это есть «призрачная человечность». По Марксу — бродячий «призрак коммунизма». По материалам партсъездов — «социализм с человеческим лицом». По заветам умористов это называется так: «врать нужно только чистую правду». А по совести? Бред какой-то... Соц-гуманизм — гумус — утилитарный утиль — Тиль Уленшпигель — кривое зеркало - Зазеркалье — Озерлаг и Колыма... И ещё: нельзя, оказывается, выбрасывать на помойку старые книги, словари, энциклопедии, газеты, журналы и

прочую писчебумажную продукцию периода советской власти. Всё, что там напечатано, является, согласно поэтике Аристотеля, проявлением комического в виде иронии, когда утверждается или отрицается то, что прямо противоположно реальности.

С. — Снова российский фокус?

Д. — Увы... В чём его разгадка? В том, что по числу революционеров на душу населения Россия превзошла весь остальной мир, и бунтарских традиций нам не занимать. Сначала одни люди скитались по темницам и каторгам, а другие сидели во дворцах на троне и вокруг одного. Затем бывшие обитатели дворцов отправились в темницы, уступив трон вчерашним каторжникам. Может быть, в этом и весь фокус? В том, что непримиримые противники — самодержцы и цареубийцы — просто-напросто ничем не отличались друг от друга? Вот пример. В разгар европейских революций XIX века Михаил Бакунин оказался за решёткой в Петропавловке. По требованию Николая I он, изображая «раскаяние», написал искреннюю исповедь, в которой есть убийственные фразы. Бакунин яростно боролся против монархии, за республиканскую форму правления и сильную, свободную, неограниченную власть. При этом он не считал полезным сковывать её какими-либо либеральными парламентскими предрассудками. «Нужно, — писал он, — печатание вольных книг, но не свобода книгопечатания». А далее следовал вывод: не надобно человеку давать право на собственное мнение и право собственности. Поразительно! На полях исповеди император начертил: «Разительная истина!» Вот так удивительно совпали мысли бунтаря-анархиста с мнением самодержца всея Руси. И тот, и другой отказывали «душе населения» в праве на свободу, при которой подданный становится гражданином, обособляется от государства, приобретает независимость. Суверенитет личности всегда был и до сих пор остаётся неприемлемым как для революционеров, так и для государей. Впрочем, ещё Герцен заметил: «Что такое русский коммунизм? Это русское самодержавие наоборот». И ещё вот что забавно: российские коммунисты в конце XX века заговорили о патриотизме и православии, о корнях, духовности и славянофильстве, об исконно-посконных традициях крестьянской общины и коллективистского мышления. На всех публичных углах с завыванием декламируют Тютчева...

С. — Умом Россию не понять,

Аршином общим не измерить:

У ней особенная статья —

В Россию можно только верить....

Д. — Да. Так ведь не того поэта в союзники взяли! Вчитайтесь, вдумайтесь: Тютчев-то как раз этими строчками призывал к отказу от общинно-коллективистского мышления, колхозного общего аршина и взывал к спасительному индивидуализму (западному!), где доминирует личность, где «всяк на свой аршин» и мерит, и верит. Столыпин, разогнав общинную дремучесть, кажется, первым из реформаторов попробовал практически последовать интуитивному предвидению поэта: он умел читать.

С. — Хорошо. Ум и вера — одно. Но ведь есть же для России ещё и такие понятия, как правда и красота!

Д. — Верно. Философ Бердяев утверждал: «Русских писателей всегда больше интересовала правда, а не красота» (читай: гармония). Достоевский выстроил весьма противоречивую концепцию. С одной стороны: «Правда выше России», с другой — «Красота спасёт мир». Что же, в конце концов, нужно России: правда или красота, истинная красота как рубеж, тонкая грань между добром и злом? Пошли мы за красотой, за гармонией во имя спасения? Нет. Мы пошли за правдой, которая выше России. Даже не пошли, а погоню устроили. От красоты, конечно, никуда не деться. Но она обернулась мифотворчеством: мы есть самые-пресамые, особая судьба, свой путь... Забавно! Ибо: Гераклы и Прометеи не сочиняли о самих себе легенд и мифов, сильные и мудрые не занимаются самооправданием. А мифы, между прочим, нехороши уже тем, что отсекают всё мелкое, как ненужное, лишнее, и тогда мифотворцы забывают о многом, в том числе и о том, что, например, христианский крест прежде чем стать символом любви и братства был орудием казни. А что же правда? Она сделалась послушной, весьма исполнительницей служанкой лжи и юродства, к которым мы все приближены настолько близко и такой плотной толпой, что порою нет никакой возможности инакомыслящему отойти в сторонку. И вот между красотой и правдой понадобилось третье присутствие: память. Но память — это не кладовая незабвенного Плюшкина. У памяти есть неременный организующий принцип. Содержание памяти выстроено по значимости и составляет своего рода пирамиду с самым существенным на вершине... Вот вам и правда, и красота, и память в России. Может, было бы надёжней, чтобы Россия не гналась за ними порознь, но впрягла их в одну тройку, под радужной верой с колокольчиком ума трезвого? Образ всё-таки

знакомый и привычный.

С. — Вообще говоря, потеря памяти — это ведь и медицинская, клиническая проблема, не так ли?

Д. — Эскулапам — эскулапово... Однако же социальные последствия амнезии куда как значительней. Память человеческая выставляет в сознании свои маяки, рубежи, порожки, о которые спотыкается для самосохранения. Вот, скажем, самый нравственный персонаж из «Вишнёвого сада», Фирс. Он совершенно искренне полагал, что «до несчастья», то есть до отмены крепостного права, в России было всё-превсё расчудесно... В чём дело? Есть такое медицинское понятие «Корсаковский синдром», описанной российским психиатром Корсаковым: человек, который теряет текущую краткосрочную память, забывает всё, что происходит именно сейчас. Вот вы с ним встретились, поговорили, разошлись, через полчаса вновь встречаетесь, а он уже и не помнит о первой встрече, снова здороваётся... Однако события, которое были давно, он прекрасно помнит. Вот почему этот больной (вспомните, о каком электорате я говорю!) скорее вернётся в своё давнее детство, чем в сегодняшний или вчерашний день.

С. — Так почему же люди разбивают памятники, их же руками созданные?

Д. — Возможно, потому, что хотят избавиться от свидетельств своего же позора, своей слабости — если, конечно, они не Геростраты. Избавиться от истории. Но её, как известно, переделать невозможно. Хотя люди-то старались и стараются всюю... Валили монументы царям — произведения искусства! — в знак отмщения за то, что были верноподданными этих царей. Прятали книги в спецхраны: боялись разделить «чужое мнение». Жгли портреты недавних кумиров, тем самым отворачивались от лиц, на которые ещё вчера молились, у которых испрашивали милости... Напрасно! В романе братьев Вайнеров «Евангелие от палача» замечено: «Пирамида у нас маленькая, а Хеопс — большо-о-ой!» Хеопс-то и есть сама история. Так пусть же любой памятник человеку станет памятником эпохе, потому что в нём. в этом памятнике, всё красноречиво свидетельствует: кто, как и кому, и за что его ставили — значит, так и жили. Знак и символ времени.

С. — Вы вторично упоминаете о трагическом несоответствии...

Д. — Что поделаешь? Это наша обыденность. Вот у генсека советских писателей Фадеева была маленькая голова и большая власть. И это несоответствие природе вещей неизбежно привело к естественному концу: Фадеев застрелился. Советский Союз погиб точно так же. Маленькая голова и бо-о-ольшее туловище. Как у динозавра: какие-то мелкие мышки грызли вкусный динозаврин хвост и постепенно добрались до хребта... — и вот только тогда, когда половина туловища была съедена, в маленькую динозаврину головку поступил издалека, от бывшего хвоста, «от окраин» пришедший сигнал: ой, больно! Но было уже поздно... У Маяковского несоответствие наоборот. У него была большая голова и никакой власти. И потому он тоже застрелился. Анатомы опорожнили череп от мозга с профессиональным восторгом: целый таз... Что этот таз уполномочен заявить?

С. — Итак, век короток. Вот он заканчивается. Истекает и второе тысячелетие от рождения Христа. Так ведь и до Христа люди жили... Какие предварительные итоги можно подвести в истории человеческого общежития?

Д. — История ускоряет свой бег. Порой кажется, что она вышла на финишную прямую, на последний рывок... Если продлить аналогию истории с бегом, то можно описать периоды и темпы человеческого прогресса так, как это сделал швейцарский инженер и философ Эйхельберг. Вот вольное переложение его мыслей... Предположим, что возраст человечества 600 тысяч лет. Представим себе движение человечества как марафонский бег на 60 километров. Побежали?

С. — Побежали!

Д. — Большая часть этой дистанции проходит через девственные леса, о которых мы ничего не знаем. И лишь в самом конце пути, на 58-м или 59-м километре мы можем увидеть первобытные орудия труда и рисунки пещерных людей как первые признаки культуры. За 200 метров до финиша дорога уже покрыта каменными плитами: это мы минуем римские крепости. За 100 метров до финиша бегун пересекает средневековые города. А до конца остаётся ещё 50 метров, и на этом месте стоит человек. Его зовут Леонардо да Винчи... Предстоит преодолеть последние 10 метров, которые начинаются при свете факелов и масляных светильников. Но при стремительном рывке на последних 5 метрах происходит чудо: свет заливают ночную дорогу, машины шумят на земле и в воздухе, и поражённый бегун ослеплён фотовспышками и стрекотом кино-телеаппаратуры...

С. — Всего-то 5 метров из 60 тысяч — это и есть научно-технический прогресс! А что же человек, о

котором мечтал Гоголь? Явился ли?

Д. — Мечтать не вредно. Вон как Гоголь размахнулся! «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет». Мистическая экзальтация Гоголя по иронии судьбы соседствует с лозунгово-первомайским пафосом Твардовского: «Вместе с Пушкиным — вперёд, к новым и высшим достижениям культуры коммунизма!» Двухсотлетний срок, наконец, явился. И что же? Коммунисты отметили славную годовщину (цитирую прессу) «международным научноисследовательским марафонским заплывом в холодной воде озера Байкал, посвящённым 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина». Марафон не условный, самый что ни на есть натуральный. И растянулось это мероприятие аж до августа. Кстати, культ мероприятий — в генах не только Геннадия Зюганова, но и в любом парткоммунистическом канцеляристе. А что такое есть мероприятие? Меры приняты! Вот только что они дают, эти меры без чувства меры? Инициаторами юбилейного купания стали Исполком Народно-патриотического союза России и Международная (а как же! без подобных именований как-то даже несолидно!) ассоциация «Марафонское зимнее плавание». В разгар лета — такие вот отморозки! Нет, что там ни говори, но российская история — всем феноменам феномен: заставь дурака бога молиться, так он и лоб расшибет не только себе, но и богу своему. А мы всё продолжаем штурмовать «зияющие высоты»: за пядью пядь — опять двадцать пять! Но Пик Коммунизма в эти же марафонские дни стал Пиком Исмаила Самани: таджикский Памир вознёс к небу имя пророка и своего национального героя, и правильно сделал. А тут подоспел ещё один юбилей! Сентября 10 дня 1799 года молодцы-суворовцы совершили переход через Альпы — освобождать Италию от французов. И ультрапатриоты в очередной раз приняли меры: путь российских воинов повторила сборная команда... инвалидов-колясочников. Знак, символ... — о чём он говорит? Однако, вернёмся к Пушкину и человеку, о котором мечтал Гоголь. Прошло 200 лет — и что же? Ничего. Нету! Ни русского человека в его развитии, ни второго Пушкина, ни коммунизма. Ибо сбились мы с пути. Ибо в стране, где гениев принято располагать по инвентарным номерам, второй номер годится разве что для пулемётного расчёта. Да и XXI-му веку второй Пушкин не нужен. Александр Сергеевич хорошо устроился в своём веке, а последующий за ним наш век дал миру таких поэтов — каждого со своей серебряностью — которые и не снились самым смелым критикам, сочинителям и прожекторам пушкинских времён. Впрочем, как выражался достопочтенный старец Мафусаил, помирать нам рановато. Поживём — увидим. Двести лет для России — ещё не срок, а всего лишь условное наказание. И её путешествие к свободе и правде продолжается.

«Зелёная лампа»: Ежемесячник Комитета по культуре Иркутской областной администрации №27, октябрь 1999 г.

Автор: Артур Скальский © Babr24.com КАК ПО-ПИСАНОМУ, ИРКУТСК 👁 5347 01.05.2011, 17:30

URL: <https://babr24.com/?ADE=93297> Bytes: 24501 / 24347 [Версия для печати](#) [Скачать PDF](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:

irkbabr24@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](https://t.me/babr24_link_bot)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: @tomsk24_link_bot

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)